

УДК 82.091

*Н.Н. Гончарова***КОМПОЗИЦИЯ «СТЕПИ» А.П. ЧЕХОВА И АРХИТЕКТУРА ХРАМА
ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО (ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКИЙ ПОДХОД)**

Композиция «Степи» рассмотрена в рамках лингвосемиотического подхода, во-первых, как метафора архитектуры храма Василия Блаженного; во-вторых, как метафора исторического процесса, важную роль в котором играет представление о Москве как о третьем Риме и о новом Израиле. Показана связь содержания главок с божествами и святыми, которым посвящены церкви собора. N-ская Николаевская церковь соотносима с южным столпом, посвященным иконе Николы Великорецкого. Во второй главке упомянут император Александр I Павлович. В третьей главке содержится аллюзия к рассказу о гостеприимстве Авраама. Пантелей, Емельян и Вася пародируют трех вселенских патриархов; господин и дама из церкви – св. Киприана и Устинью. Отсылкой к фигуре Григория просветителя Армении служат армянские хутора. В седьмой главке описан въезд обоза в город. В восьмой главке имеются аллюзии к житию и посмертному чуду св. Варлаама Хутынского. Поездка Егорушки происходит против движения солнца, с которым отождествляется церковь Покрова, и соответствует по длительности творению Божию. Проведены аналогии с Книгой пророка Амоса, в честь которого был назван Александр Свирский. Исторический процесс ограничен событиями Книги Бытия и Откровения Иоанна Богослова. Античность представлена Дениской, ветхозаветный период – семьей Мойсея Моисеича, период двоеверия – подводчиками, новозаветный период – Константином Звоньком. Обход храма служит аллюзией к рассказу о падении Иерихона и к словам Иисуса Христа о разрушении Иерусалимского храма.

Ключевые слова: композиция, храм Василия Блаженного, «Степь», А. П. Чехов, Книга пророка Амоса, третий Рим, новый Израиль.

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-326-334

Введение

Исследование выполнено в рамках лингвосемиотического подхода, позволяющего сопоставить литературно-художественный текст с такой знаковой системой, как архитектура. Книга не раз уподоблялась зданию, а ее автор – архитектору. По словам Ш. И. Шукурова, «поэт и зодчий всегда и в первую очередь “строят”, памятуя о том, что их творческая деятельность сопряжена с онтологическим чувством мерности всего мироздания и Храма как его средоточия и истинного дома бытия» [Цит. по: 4, с. 108]. Примечательна аналогия между проектом Храма Христа Спасителя А. Л. Витберга и онегинской строфой, проведенная В. Н. Турбиным [26].

На Руси XVI в., отмеченного бурным «строительством новой государственности и новой жизни», строителю было уподоблено божество, возводящее здание страдающего от «ограниченности и ничтожества» человека. Таким образом, и в человеке, и в здании «было “воображено” неизобразимое... икон[а] божества» [3, с. 194]. Таковым был «задуман» Покровский собор на Красной площади в Москве, широко известный как храм Василия Блаженного [3, с. 195]. Наша гипотеза состоит в том, что архитектура собора служит одним из источников деления «Степи» на главки.

«Степь» как метафора храма Василия Блаженного

Число главок «Степи» совпадает с числом приделов храма (помимо центрального столпа, церкви Покрова). В первой главке упомянут день Казанской Божией Матери, престольный праздник острожной церкви. Строительство Покровского собора было, как известно, приурочено к взятию Казани, значимому событию отечественной истории, положившему конец «длившейся несколько столетий борьбе с татарами» [3, с. 24]. В «Степи», как мы уже отмечали, содержатся аллюзии к рассказу об освобождении израильтян из египетского рабства. Другим важным памятником Казанской победы является икона под названием «Церковь воинствующая»; на ней «изображено воинство... покровительствуемое небесными силами, которое движется от пылающего разгромленного им града в сторону небесного града» [3, с. 47]. На границе между городом N. и полем «дымилась кирпичные заводы» [28, с. 188] (описанию этого «пожара» посвящен целый абзац). (В дальнейшем ссылки на это издание оформляются в виде номера страницы в круглых скобках.) Конечный пункт поездки – город, распо-

ложенный на «громадной горе, усеянной домами и церквами» (108). Согласно выводам М. П. Громова [5, с. 179], «география» повести носит «обобщенный, вымышленный» характер: Ростов предстает в таком виде, если подъехать к нему «со стороны Батайска». Егорушка («Егоргий Победоносец» (145)), одетый в красную рубаху, возможно, сближен с Иваном Грозным в том виде, как он представлен на иконе, – «юный воин в латах и алом плаще» [2, с. 46]. Аналогичным образом изображался св. Георгий; «алый плащ – принятый атрибут мученичества в древнерусском искусстве» [1, с. 171]. Косвенным свидетельством этой параллели служит посещение Иваном Грозным Мурома, чтобы «поклониться “сродником своим” – князю Петру и княгине Февронии», народная легенда о которых выдвигает на первый план мотив змеборства. «Отправляясь в Казань, Иван Грозный считал и себя также змеборцем – носителем светлого начала, призванным победить темную силу татар» [3, с. 166].

Заметим, что Егорушка – ровесник девицы Матроны, которой была явлена Казанская икона. Пятое чудо, совершенное от иконы, состояло в «исцелении жены боярского сына Ивашки по прозвищу Кузьминский от болезни ног» [29, с. 9]. «Ножки... больные» – один из основных мотивов повести [5]; прозвище боярского сына сходно с фамилией Ивана Ивановича.

Храмы, посвященные Входу в Иерусалим, празднику Покрова и Троице, составляют «основной идейный комплекс здания»; все они расположены по оси запад – восток [3, с. 198] – в начале поездки по степи солнце находится «сзади» (109). «Идея Троицы является основной идеей, положенной в основу архитектурной композиции Покровского собора» [3, с. 199]. В повести, как можно предположить, она воплощена в первую очередь в троичности главных персонажей: Кузьмичов, по-видимому, соответствует Ипостаси Отца, Егорушка – Сына, о. Христофор – Святого Духа. Как и в композиции храма, Троица «“воображена” также и в частностях» [3]: например, Емельян в рогоже трижды сравнивается с треугольником. Эта гипотеза позволяет, в некоторой мере, сблизить остановку на постоялом дворе, описанную в третьей главке, с рассказом о гостеприимстве Авраама (Быт. 18), «литургический, евхаристический аспект» [30, с. 21] которого иронически отражен в факте отсутствия просфоры в деревенской церкви. В этой связи нельзя не вспомнить одно из чудес св. Георгия. Четыре купца съели «большой пирог», принесенный святому отроком, которого сверстники «всегда побеждали в играх» (параллелью к обидчикам служит Дениска, имя которого, в некоторой степени, созвучно имени императора Диоклетиана). Пирог «из любви к ребенку, а также из уважения к мученику» испекла мать, сближаемая с Розой. Монеты, которые «положили на пол» «одержимы[e] как бы слепотою» купцы, пошли на «обновление... храма» [7, т. 1, с. 1005]. Связь между пряником и деньгами установлена в лавке великоросса (см. [31]).

Первой из церквей, упомянутых в повести, является Н-ская Николаевская церковь. Южный столп Покровского собора был посвящен иконе Николы Великорецкого [3], именем которого названы Дымов и покойный отец Егорушки. «Решетчатые окна» (107) острожной церкви сближаемы с решетом, через которое «что-то просеивала» (118) мать Тита, и «окошечком с решеткой» постоянного двора, где «длинные ножки точат» разбойники «в красных рубахах» (165). «Красная пыль» от кирпичных заводов, покрывавшая «людей и лошадей» (108), противопоставлена «белой пыли» «из-под... решета» (118). Зять о. Христофора «хотел нажиться и пыль пустить» (128). Добавим, что у Михайлы (как, по словам Дымова, и у Егорушки) «матернее молоко на губах еще не обсохло»; на хуторе молоко ночевал Варламов. Согласно житиям, младенец Николай «отказывался от материнского молока в постные дни» [1, с. 174].

Праздник Покрова связывают с «благодатным влиянием раннего снежного покрова полей на урожай будущего года» [3, с. 56]. Мельница, один из основных символов повести [5], является наиболее очевидной параллелью к церкви Покрова; ее функцию можно сблизить с функцией последней – «разреш[ать] композицию своим... покровом» [3, с. 117]. Вероятно, имя и отчество Кузьмичова имеют отношение к двум святым из «“страшной”» свиты Богородицы, державшим Ее под руки во Влахернском соборе, – Иоанну Предтече и Иоанну Богослову [19, с. 20]. Омофор, простертый в храме, был уподоблен молнии [19], что, по-видимому, нашло отражение в картине грозы. Омофором называется и «широкая полоса ткани, означающая положенное на плечи заблудшее “овче”» [1, с. 178]. Можно предположить, что аналогичная роль отведена рогожам, «покрывавшим» героев повести во время дождя, и овчинным тулупам. С «сальным стеганым одеялом» в спальне Мойсея Мойсеича контекстуально сближен образ «сальной свечки» (132). Старуха хотела зажечь «свечечку» (185, 186), но не могла ее найти. Церковный сторож, сообщивший о том, что просфоры «нету», намеревался тушить свечи. Эти детали вызывают в памяти притчи о потерянной драхме (Лк. 15:8–10) и о потерянной овце (Мф. 18:12–14;

Лк. 15:1–7), притчу о светильнике под сосудом (Мф. 5:14–16, 6:21–24; Мк. 4:21, 22, Лк. 8:16, 17, 11:33–36), а также чудо исцеления при Овчей купели (Ин. 5:2–9).

Возможной иронической параллелью к церкви Покрова служит квартира Настасьи Петровны Тоскуновой, находившаяся за «серыми, очень старыми воротами» (197) (ср. тж. «ворота запертые» (165) и «ворота отпертые» (166) постоянных дворов). «Затворенные врата» – «традиционный элемент новгородского извода» Покрова [19, с. 34, 37]. Пророчество о Богородице как о «Дверях» встречается в Книге пророка Иезекииля (43:27; 44:1–4); вслед за Блаженным Феодоритом принято считать, что «восточные врата, которыми однажды вошел Господь», служат Ее «символом» [25, с. 17]. «Этими вратами сошел на землю Спаситель, не нарушив девства Богородицы» [19, с. 37]. Примечательно, что ворота Тоскуновой «третьи... справа» – «вторым в ряд столпов на правой стороне церкви», по указанию св. Георгия, был поставлен столп вдовы [7, т. 1, с. 1001]. Забор, ограда – «повторяющийся мотив “Степи”»: «высокой белой стеной» обнесен острог, «оградой из булыжника» (107) – N-ское кладбище [31, р. 141].

Отношение к празднику Покрова имеют куры. Так, на иконе Покрова можно встретить изображение свв. Косьмы (ср. фамилию ‘Кузьмичов’) и Дамиана, называвшихся в народе «куриными богами»; петушиное мясо употребляли во время Покровских складчин, кур приносили в жертву в день «осенних кузьминок» [19; 23]. Ср. образ «цыпленка, накрытого тарелкой» (199), которого Настасья Петровна оставила на окне в «коридорчике» (контекстуальный символ гроба).

Во второй главке бричка повернула направо (мельница осталась с левой стороны). Юго-восточный придел Покровского собора был посвящен Александру Свирскому (память 30 августа). О. Христофор вспоминает, как в этот день, день тезоименитства Александра I Павловича, он беседовал с преосвященным Христофором в алтаре. Эпизод вызывает в памяти явление преподобному «Живоначальной Троицы – трех Мужей в белых одеждах, осиянных Божественным Небесным светом», – «в истории Православной Церкви... единственное явление Троицы в таком виде» (1508) [22, с. 19]. Св. Александр «был особенно почитаем династией Романовых»; Иван Грозный, заложивший основы этого почитания, молился преподобному перед взятием Казани [22]. Способности к наукам сближают о. Христофора со св. Александром; различие состоит в том, что последний «ослушался» (115) родителей (и принял постриг). В житии святого упомянута мельница (на которой тот выполнял работу за иноков); с ней сближаема «длинноногая» (118) баба (см. выше). Подрясник со «множеством заплат» [7, т. 2, с. 1053] напоминает ветхое крыло ветряка Болтвы (и чумарку Васи). Параллелью к алтарю служит своего рода Голгофа «из громадных, уродливых камней» (113) (можно сказать, разразившаяся громом и выросшая в «громадную гору» «нового» Ростова).

Св. Александр был назван в честь пророка Амоса, в день памяти которого, 15 июня, он родился [22]. Имя ‘Амос’, обозначающее «“бремя” или “носитель бремени”» [27, с. 1260], сближаемо по смыслу с именем ‘Христофор’; пророк был пастухом, покровителем которых является св. Георгий. Проведем ряд аналогий между содержанием Книги пророка и «Степью»: иссохшая вершина Кармила (1:2), т. е. «“плодородие” или “земля садов”» [27, с. 1262], напоминает холм, о котором речь шла выше; «колесница, нагруженная снопами» (2:13), – воз сонной девки; сон неженатого Кузьмичова в «тени под бричкой» (116) может служить пародией на сон Иакова – в «Вефиле» (4:4) он получил обетование о «потомстве... как песок земной» (Быт. 28:14) (камню в изголовье, «дому Божьему» (28:22), соответствует мешок с деньгами); образ «голых зубов» (4:6) ассоциируется с чувством голода у Дениски; медведю, который попадает убежавшему от льва (5:19), уподоблена Роза (с ней путешественники встретятся в следующей главке); видение саранчи, поевшей траву (7:1–3), вызывает в памяти эпизод с кузнечиком и мухой; «малые дома», пораженные «трещинами» (6:11), и трещины «скинии Давидовой» (9:11) сближаемы с щелями и трещинами, часто упоминаемыми в повести, в том числе в звуках, например: «небо... издавало сухие, трескучие, похожие на треск сухого дерева, звуки» (183), «...гром трещал...» (184); «морской змей» (9:3) сравним с гидрой; параллелью к решетке поющей женщины служит образ решета в обетовании о судьбе «дома Израилева» (9:9). Можно предположить, что неогороженность постоянного двора связана с видением свинцового отвеса (7:7–9), в котором Бог выступает в роли «Строителя, проверяющего готовность выложенной стены» [16, с. 451]. (Цитаты из Библии приведены по изданию: [27]).

Бричка продолжает двигаться «назад» (122) и, «миновав» восточный столп Покровского собора, посвященный Троице, о которой речь шла выше, «приближается» к северо-восточному приделу Трех патриархов: солнце всходило «много левее» (142). Пародией на последних, по-видимому, слу-

жат Пантелей, Емельян и Вася. У Васи на голове «монашеская скуфейка» (145) – Василий Великий иногда изображался в «монашеской мантии» (в память об «удалении... в пустынную местность на берегу реки Ирис») [20, с. 27]. Имя этого святителя упоминает в поучениях пропахший *сухими васильками* о. Христофор. Примечательно, что его в крещении получил князь Владимир Святославич [20], образ которого, вместе с сыновьями Борисом и Глебом, помещен на иконе «Церковь воинствующая». У Васи «маленькие, тусклые» (147) глаза, однако, благодаря зоркости, он сближаем и с «большеглаз[ым]» [1, с. 184] Иоанном Златоустом.

Бывший певчий, пожалуй, более всех напоминает этого святого. «Губчатая шишка под правым глазом» (144) вызывает в памяти чудеса Иоанна, связанные с исцелением глазных болезней – богатого жителя Антиохии, у которого «выпал правый глаз и висел на щеке», и Евклия, «с детства слепого на правый глаз» [7, т. 2, с. 626–627]. «Длинное лицо с жидкой козлиной бородкой» (144) ассоциируется с образом Василия Великого, который был «длиннобород и узколиц» [1, с. 184]. Этих святителей, «создателей литургии, очень часто изображали... на царских вратах» [1, с. 184] – возможно, с этим (помимо мельницы) связано сравнение Васиной спины с доской и его «деревянная» походка. Емельян сближаем и с Романом Сладкопевцем, изображаемым на иконах Покрова [19].

Григорий Богослов представлен в иконописи «благообразным седеющим старцем» [1, с. 184]. Таков Пантелей, «старик с седой бородой» (143); параллелью к арианству, против которого боролся святой, служит старообрядчество подводчика. Он несколько раз упоминает некоего Максима Николаича – египтянин Максим хотел «восхитить патриарший престол в Константинополе» [7, т. 1, с. 332]. Назначение Григория вызвало такие «смуты и распри» [7, т. 1, с. 334] среди епископов, что он посчитал себя «нисколько не достойнее пророка Ионы» [7, т. 1, с. 335], – Вася, съевший бобырика, уподоблен «животному» (155) (киту, во чреве которого находился пророк). «Широкополый цилиндр» (143) Пантелея сходен с цилиндром о. Христофора, неудавшегося «светильника церкви» (115), с которым сравнен Иоанн Златоуст. «Большой колпак» – прозвище, под которым был известен Иоанн Блаженный (ему посвящен один из приделов собора); одной из причин бури при погребении святого было снятие пояса, взятого «“во Иерусалиме от Гроба Господня”» [6] – у о. Христофора был «шитый, цветной пояс» (106).

В главе фигурирует колодец – учение Иоанна – «колодец... глубок» [7, т. 3, с. 628]. Женщина, сделавшая это сравнение, дала святому прозвание «Златоустый» [7, т. 3, с. 628] – Дымов, поперхнувшись, «произнес штук пять нехороших слов» (149). Согласно выводам Майкла С. Финка, эпизод у колодца служит примером «аллегории правильного и ошибочного [поверхностного] чтения» повести: Кирюха «увиде[л] отражение своей головы», сквернословие Дымова – «наиболее бессмысленные, общепринятые слова» [31, р. 160], противопоставляемые «“слову о Царствии”» (Мф. 13:19), «“слову Божьему”» (Лк. 8:11) из истолкования притчи о сеятеле [9, с. 98]. Поверхностность связывается с услышавшими слово, но не имеющими корня – старовер Пантелей пьет из лампадки, что, возможно, сближает его с теми, кто исполняет «ритуалы без глубокого понимания их смысла» [9, с. 106]. «Внутренняя религиозность... может быть незаметна для стороннего наблюдателя, подобно корню в земле» [9, с. 106], – необыкновенно зоркий Вася, относящийся с сочувствием к братьям нашим меньшим, видит «другой мир, свой собственный, никому не доступный и, вероятно, очень хороший» (151). В толковании на притчу о сеятеле Иоанн Златоуст писал, что «и камню можно измениться и стать плодородной землей... <...> Если же такое изменение происходило не во всех, то причина этого... те, которые не хотели измениться» [цит. по: 9, с. 114]. Возможно, неслучайно далее по тексту «завзвонили к обедне» (151).

Северный столп собора был посвящен свв. Киприану и Устинье (память 2 октября), которым, как можно предположить, соответствуют господин и дама из церкви. При описании обоих персонажей особое внимание уделено положению головы – мученики приняли смерть через «усечение мечом» [7, т. 3, с. 291].

Северо-западный придел был назван в честь Григория просветителя Армении (память 30 сентября) – в шестой главе Егорушка оказывается близ армянских хуторов. Отчество ‘Григорыч’ носит спасенный купец, герой одного из рассказов Пантелея. Судьба святого тесно связана со страданием тридцати семи дев. Во время охоты царь Армении Тиридат, погубивший св. Рипсимию и ее сподвижниц, стал «по своему виду как бы диким вепрем, как некогда Навуходоносор» [7, т. 3, с. 265]. «Страшный муж», явившийся во сне сестре царя, предупредил, что «Тиридат не исцелет, если Григорий не будет выведен из рва» [7, т. 3, с. 265]. Испросив, по совету святого, молитв дев, царь вер-

нул человеческий облик. Домогательство Рипсимии сближаемо, в известной мере, со сватовством «свиновода» Константина Звонька, подстрелившего дрову.

Западный столп Покровского собора, церковь Входа в Иерусалим, является «приделом Христа» [3, с. 113], чему соответствует образ «распятия» Егорушки в картине грозы. В конце главки обоз въехал в город.

Юго-западный придел посвящен Варлааму Хутынскому (память 6 ноября); от имени 'Варлам' образована фамилия «хозяина» степи. Жар Егорушки вызывает в памяти болезнь царского постельничего Григория, почитавшего св. Варлаама, который в течение восьми дней находился в «забытьи, без воды и пищи» (1460). Умерев по пути в Хутынский монастырь, молодой человек воскрес [22, с. 56]. Житие и посмертные чудеса святого связаны со стихией огня. Так, часовня и келья были построены в том месте, где дважды являлся огненный столб; церковь Преображения Господня – где он «увидел ярчайший луч, затмевающий солнце»; вскрытие раки сопровождалось сильным задымлением; преемник св. Варлаама Антоний подвизался на озере Дымском [22]. Эти обстоятельства возвращают нас к началу повести, описанию кирпичных заводов, – и действительно, Егорушка вновь входит в своего рода «придел... Богоматери» (церковь Покрова) [3, с. 113], квартиру Тоскуновой, «давнишней подружки» (197) Ольги Ивановны Князевой. Примечателен случай из жития, произошедший накануне Пасхи: рыбаки скрыли от святого большого осетра, на что тот заметил: «Дети, малые рыбы вы привезли. Где же большая?» [7, т. 3, с. 558] (ср. вопрос Варламова к верховому). Представляется, что параллелью служит покупка в живорыбной лавке; отметим употребление уменьшительно-ласкательных суффиксов: «жестяночка», «кусочек», «ломтик» (193).

«Степь» как метафора исторического процесса

Покровский собор «в градостроительной композиции всего города... является символом Престола Святой Троицы в Небесном Граде» [14, с. 209]. Благодаря «процессии “Шествия на осляти”, происходившей раз в году в Вербное воскресенье» [3, с. 53], он получил название «Иерусалим» (следует отметить, что и Покровский собор, и Небесный Иерусалим в том виде, как он изображен на русских иконах, представляют в плане «восьми- или двенадцатиконечный крест») [14, с. 211]. Эта символика согласуется с процессами «созидания в Москве центра Духовного Израиля» [14, с. 205]. Представления о Москве как о «третьем Риме» и о «новом Израиле» связаны со свойственным русской мысли «восприятием истории как последовательности избранных народов», «от сотворения мира до апокалипсиса» [32, р. 591–592]. Такими временными рамками, по-видимому, ограничена и «Степь»: ее начало отсылает к «допотопному» периоду и истории грехопадения, а картина грозы, аллюзии к притче о десяти девах, а также упоминание Варламовым «записки Иванчука» – к Откровению Иоанна Богослова. «А что такое история? Это установление вековых работ по последовательной разгадке смерти и ее будущему преодолению» [17, с. 12, 13].

Кучер Дениска с «мраморным лицом» вызывает ассоциации с периодом античности; «ошарпанную» бричку можно сблизить с дионисическим кораблем на колесах. Дениска сравнивается с «большим, искренним псом» (120), что напоминает об особом элементе носа корабля, собачьей голове: «[собака] издавна присутствовала в аттических мифах о прибытии, подобно тому, как звезда Сириус – в году бога виноделия» [11, с. 118]; нос корабля могла украшать голова мула, «свадебного животного Диониса» [11, с. 116] (ср. вход Спасителя в Иерусалим верхом на осле). Сравнение степи с (Чермным) морем вызывает в памяти рассказ «Повести временных лет» об уплате полянами дани хазарам, в котором первые соответствуют евреям, а последние – египтянам [32]. Мальчик по имени Тит «ассоциируется с Титом Флавием» [8, с. 28]. Героями третьей главки стали «ветхозаветные» персонажи; помимо того, «медведица» Роза перекликается с образом Диониса, «первооткрывателя меда», «напитка Золотого века и пищи богов», пиком брожения которого «полагалось начало новому году Сириуса» [11, с. 38, 41–42]. На смену ветхозаветной приходит «ночная», в понятиях Г.В. Флоровского, культура подводчиков, основанная на сочетании «языческих переживаний» и «бродячих мотивов древней мифологии и христианского воображения» [10, с. 29]. «Христианское воображение» выражено, по-видимому, в совпадении имен «диаконов» (Деян. 6:5) с именами подводчиков, Степки, Дымова. Пантелей, уроженец города Тима, возможно, соответствует Тимону; образ Емельяна (дирижировавшего невидимым хором) связан с именем 'Проخور', образованным от «греч. *prochoyeiō* – плясать впереди, вести» [18, с. 185]. Обнаруживается и совпадение с именами святых семи отроков ефесских: Максимилиану соответствует Максим Николаевич из-под Славяносербска; Иамвлиху – Степка,

младший из подводчиков, носивший рубаху без пояса – со св. Иамвлиха сняли пояс и надели ему на шею; Иоанну – Кузьмичов; Дионисию – Дениска; Ексакустодиану (Константину) – Константин Звоньк. Фольклорной параллелью могут служить семь Семионов.

Далее следует сопоставление церкви и синагоги, чертами которой обладает лавка великоросса. Покупатель, отказавшийся от овса, идет «к Бондаренку» (158). Ремесло бондаря связано с плотничеством, которым, согласно преданию, занимался св. Иосиф, делавший «плуги и ярма» (ср. хомуты, висевшие на потолке лавки); вопрос «Вы чьи?» (157) можно сопоставить вопросом: «Не плотников ли Он сын?» (Мф. 13:55; ср. Мк. 6:3) [15, с. 411].

Неожиданное появление Константина Звонька у костра подводчиков «возвещает» новую, «дневную» византино-христианскую, веку [10, с. 29]. Образ императора Константина Великого, изображенного на иконе «Церковь воинствующая», «был призван напоминать венчанному на царство государю о высокой миссии охранять православие и вести свой народ по пути спасения» [24].

Возможно, указанная последовательность является отголоском «Апологии» Аристиды, своего рода «турнира религий», вошедшей в «Повесть о Варлааме и Иоасафе» [13, с. 653], которая связана с «линией Варламова и Егорушки» [8, с. 17].

Егорушка передвигается противосолонь, против часовой стрелки, что соответствует движению Луны вокруг Земли (см. [21]). Это направление, по-видимому, задано в первой главке при перечислении пассажиров брички: «бритый, в очках» (106) Кузьмичов олицетворяет зиму, связываемую с севером, «длинноволосый» о. Христофор, лицо которого «имело озябший вид», – осень, Дениска – лето, Егорушка – весну. Исход израильтян из Египта и получение Торы – «это... второй, заключительный этап всего Творения»: «за семь дней... [Всевышний] превращает... толпу рабов в избранный на Служение народ» [12, с. 139].

Можно предположить, что источником обхода храма служит и рассказ о падении Иерихона («луна, месяц» [15, с. 212]), осада которого продолжалась семь дней (И. Нав. 9). Ср. слова Иисуса: «Разрушьте храм этот, и Я в три дня воздвигну его.» <...> ...Он говорил о храме тела Своего» (Ин. 2:19, 21). Таким образом, поездка Егорушки – это путь к свободе, воскресению.

Финал повести напоминает финал фильма М.М. Хуциева «Июльский дождь» (1966), в котором сопоставлены ветераны, отмечающие День Победы у Большого театра, и молодежь разных поколений. Способен ли Егорушка стяжать славу предков? Ответ на этот вопрос остается открытым.

Заключение

В статье проведены аналогии между композицией «Степи» и архитектурой собора Василия Блаженного. Церкви собора – своего рода реперы, отмечающие этапы «освобождения» (взросления) Егорушки. Движение происходит вокруг центрального столпа, церкви Покрова, связываемого с мельницей. Точкой отсчета пути служит N-ская Николаевская церковь, которая соответствует южному столпу, посвященному иконе Николы Великорецкого. Во второй главке, сопоставимой с юго-восточным приделом Александра Свирского, фигурирует образ императора Александра I. Примечательны параллели, обнаруженные между образной системой главки и Книгой пророка Амоса, в честь которого был назван св. Александр. Третья главка, соответствующая восточному столпу Троицы, отсылает к рассказу о гостеприимстве Авраама. Пародией на трех вселенских патриархов, которым посвящен северо-восточный придел собора, служат Пантелей, Емельян и Вася. Святым северного столпа, Киприану и Устинье, соответствуют господин и дама из церкви. Образ Григория просветителя Армении, в честь которого назван северо-западный придел, ассоциируется с армянскими хуторами. В седьмой главке, сопоставимой с западным столпом, церковью Входа в Иерусалим, обоз въезжает в город. В восьмой главке обнаружены аллюзии к житию и посмертному чуду Варлаама Хутынского, которому посвящен юго-западный придел.

Отождествление храма Василия Блаженного с Иерусалимом и с «Престолом Святой Троицы» согласуется с представлениями о Москве как о «третьем Риме» и о «новом Израиле». Метафора исторического процесса, ограниченного Книгой Бытия и Откровением Иоанна Богослова, получила развитие в образах «ветхозаветных» персонажей постоянного двора, Дениски-«Диониса», «ночной» культуры подводчиков, в образе Константина Звонька, носящего имя императора Константина Великого.

Обход храма сопоставим с исходом из Египта («новым Творением») и тактикой израильтян, осаждавших Иерихон. Его разрушение отсылает к словам Иисуса Христа о Воскресении.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барская Н.А. Сюжеты и образы древнерусской живописи. М.: Просвещение, 1993. 223 с.
2. Бродский Б.И. Сердце Родины – Кремль. М.: Изобразительное искусство, 1996. 150 с.
3. Брунов Н.И. Храм Василия Блаженного в Москве. М.: Искусство, 1988. Усл. печ. л. 40, 846.
4. Городова М.Н. Наука Китовраса. Парадигмы древнерусского храма. М.: Вече, 2015. 288 с.
5. Громов М.П. Чехов. М.: Молодая гвардия, 1993. 394 с.
6. Ерусалимский К.Ю. Иоанн // Православная энциклопедия. 2015. URL: <https://www.pravenc.ru/text/469402.html>.
7. Жития святых на русском языке, изложенные по руководству Четьих-Миней святителя Димитрия Ростовского с дополнениями, объяснительными примечаниями и изображениями святых: в 3 т. М.: Харвест, 2002.
8. Зубарева В.К. Настоящее и будущее Егорушки: «Степь» в свете позиционного стиля // Десять шагов по «Степи»: статьи и эссе / ред. В. К. Зубарева. Idyllwild, CA: Charles Schlacks, Jr., 2017. С. 6–33.
9. Иларион (Алфеев), митр. Иисус Христос. Жизнь и учение: в 6 кн. Кн. 4: Притчи Иисуса. 2-е изд. М.: Познание; Изд-во Сретенского монастыря, 2019. 608 с.
10. Карпов А.В. Язычество, христианство, двоеверие: религиозная жизнь Древней Руси в IX–XI веках. СПб.: Алетейя, 2008. 184 с.
11. Кереньи К. Дионис: прообраз неиссякаемой жизни / пер. с нем. М.: Ладомир, 2007. 319 с.
12. Коган М. Иудейские праздники. М.: Олма Медиа Групп, 2015. 304 с.
13. Комментарии // Памятники литературы Древней Руси: XII век / сост. и общая ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1980. С. 627–704.
14. Кудрявцев М.П. Москва – третий Рим: историко-градостроительное исследование. М.: Сол Систем, 1994. 256 с.
15. Никифор (Бажанов), архимандрит. Иллюстрированная библейская энциклопедия. М.: Эксмо, 2016. 640 с.
16. Новый библейский комментарий: в 3 ч. Ч. 2. СПб.: Мирт, 2000. 568 с.
17. Пастернак Б.Л. Доктор Живаго. М.: АСТ:АСТ МОСКВА, 2008. 698 с.
18. Петровский Н.А. Словарь русских личных имен: ок. 2600 имен. 2-е изд. М.: Рус. яз., 1980. 384 с.
19. Пивоварова Н.В. Покров Пресвятой Богородицы. СПб.: Метропресс, 2014а. 76 с.
20. Пивоварова Н.В. Три Вселенских святителя. СПб.: Метропресс, 2014б. 76 с.
21. Подосинов А.В. Символы четырех евангелистов: их происхождение и значение. М.: Языки русской культуры, 2000. 176 с.
22. Путеводитель по святым местам России / автор-составитель И.Е. Гусев. Харвест, 2006. 159 с.
23. Русская мифология. Энциклопедия / сост., общ. ред. и предисл. Е. Мадлевской. М.: Эксмо; СПб.: Мидград, 2006. 784 с.
24. Самойлова Т.Е. «Благословенно воинство Небесного царя...» (Церковь воинствующая). 2021 // URL: https://www.tretyakovgallery.ru/events/blagoslovenno-voinstvo-nebesnogo-tsarya-tserkov-voinstvuyushchaya/?special_version=Y.
25. Служба Сретению Господню: всенощное бдение и литургия с параллельным переводом и изъяснением (издание пересмотренное) / ред. архимандрит Спиридон. Киев: Общество им. М.Н. Скабаллановича, 2014. 64 с.
26. Турбин В.Н. Пушкин. Гоголь. Лермонтов. Об изучении литературных жанров. М.: Просвещение, 1978. 238 с.
27. Учебная Библия с комментариями Джона Мак-Артура. Лавс Парк: Славянское Евангельское Общество, 2004. 2201 с.
28. Чехов А.П. Степь // Рассказы и повести. М.: Правда, 1981. С. 106–200.
29. Чугреева Н.Н. Казанская икона Божией Матери. СПб.: Метропресс, 2014. 76 с.
30. Щенникова Л.А. Святая Троица. СПб.: Метропресс, 2014. 76 с.
31. Finke M.C. Metapoesis: the Russian tradition from Pushkin to Chekhov. Durham, London: Duke University Press, 1995. 221 p.
32. Rowland D.B. Moscow – The Third Rome or the New Israel? // Russian Review. Vol. 55, no. 4, 1996, pp. 591–614.

Поступила в редакцию 15.09.2021

Гончарова Наталия Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков
ФГБУН «Институт языкознания Российской академии наук»
125009, Москва, Большой Кисловский пер, 1 (стр. 1)
E-mail: nng@bk.ru

*N.N. Goncharova***THE COMPOSITION OF ANTON CHEKHOV'S "THE STEPPE" AND THE ARCHITECTURE OF THE CATHEDRAL OF ST BASIL THE BLESSED**

DOI: 10.35634/2412-9534-2022-32-2-326-334

The composition of "The Steppe" is considered within the linguo-semiotic approach, first, as a metaphor for the architecture of the Cathedral of St Basil; second, as a metaphor for the historical process, with the idea of Moscow as the Third Rome and the New Israel emphasized. The connection between the chapters and the deities and saints to whom the churches of the cathedral are dedicated is shown. The Church of St Nicholas of N. can be correlated with the southern Side-church of St Nicholas Velikoretsky. Chapter 2 mentions Alexander I of Russia. In Chapter 3 allusions to the story of Abraham's hospitality are found. Panteley, Emelyan, and Vasya parody the three holy hierarchs; the gentleman and lady from the church parody St Cyprian and Justina. St Gregory of Armenia is referred to by mentioning Armenian settlements. Chapter 7 describes the entry of the waggons into the city. Chapter 8 contains allusions to the life and a posthumous miracle of St Barlaam of Khutyn. Analogies are drawn with the Book of Amos, after whom Alexander Svirsky was named. The journey takes place in the opposite direction to the movement of the sun, with which the Church of the Intercession of Our Lady is identified, and in terms of its duration corresponds to God's creation. The historical process is limited by the events described in the Book of Genesis and the Revelation of St John the Divine. Classical antiquity is represented by Deniska, the Old Testament period by Moisei Moiseich's family, the period of religious syncretism by the drivers, the New Testament period by Konstantin Zvonyk. Going round the cathedral is an allusion to the story of the fall of Jericho and Jesus's words about the destruction of the Temple of Jerusalem.

Keywords: composition, the Cathedral of St Basil the Blessed, "The Steppe", Chekhov, the Book of Amos, the Third Rome, the New Israel.

REFERENCES

1. Barskaya N.A. Syuzhety i obrazy drevnerusskoj zhivopisi [The subjects and images of Old Russian painting]. Moscow, Prosveshchenie, 1993, 223 p. (In Russian).
2. Brodskij B.I. Serdce Rodiny – Kreml' [Kremlin, the heart of the Motherland]. Moscow, Izobrazitel'noe iskusstvo, 1996, 150 p. (In Russian).
3. Brunov N.I. Hram Vasiliya Blazhennogo v Moskve [The Cathedral of St Basil in Moscow]. Moscow, Iskusstvo, 1988, 40,846 conventional printed sheets. (In Russian).
4. Chekhov A.P. Step' [The steppe]. Rasskazy i povesti [Short stories and novellas]. Moscow, Pravda, 1981, pp. 106–200. (In Russian).
5. Chugreeva N.N. Kazanskaya ikona Bozhiej Materi [The Kazan icon of the Mother of God]. St. Petersburg, Metro-press, 2014, 76 p. (In Russian).
6. Cohan M. Iudejskie prazdniki [Judaic feasts]. Moscow, OLMA Media Group, 2015, 304 p. (In Russian).
7. Erusalimski K.Yu. Ioann [John]. Pravoslavnaya enciklopediya [The Orthodox Encyclopedia]. 2015. Available at: <https://www.pravenc.ru/text/469402.html> (accessed 17 April 2021). (In Russian).
8. Finke M.C. Metapoesis: the Russian tradition from Pushkin to Chekhov. Durham, London, Duke University Press, 1995, 221 p. (In English).
9. Gorodova M.N. Nauka Kitovrasa. Paradigmy drevnerusskogo hrama [The science of Kitovras. The paradigms of the Old Russian temple]. Moscow, Veche, 2015, 288 p. (In Russian).
10. Gromov M.P. Chekhov [Chekhov]. Moscow, Molodaya gvardiya, 1993, 394 p. (In Russian).
11. Hilarion (Alfeev), metr. Iisus Hristos. Zhizn' i uchenie: v 6 kn. Kn. 4: Pritchi Iisusa [Jesus Christ. Life and teaching: in 6 vols. Vol. IV: The parables of Jesus]. 2nd ed. Moscow, Poznanie; Publishing house of the Sretenskiy monastery, 2019, 608 p. (In Russian).
12. Karpov A.V. Yazychestvo, hristianstvo, dvoeverie: religioznaya zhizn' Drevnej Rusi v IX–XI vekah [Heathenism, Christianity, belief in two different religions: the religious life of ancient Russia in the 9th–11th centuries]. St. Petersburg, Aleteia, 2008, 184 p. (In Russian).
13. Kerényi C. Dionis: proobraz neissyakaemoj zhizni [Dionysos: archetypal image of indestructible life]. Moscow, Lodomir, 2007, 319 p. (In Russian).
14. Kommentarii [Commentaries]. Pamyatniki literatury Drevnej Rusi: XII vek [Monuments of Old Russian literature: 12th century]. Compiled and edited by L. A. Dmitriyev and D. S. Likhachev. Moscow, Hudozhestvennaya literatura, 1980, pp. 627–704. (In Russian).
15. Kudryavcev M.P. Moskva – tretij Rim: istoriko-gradostroitel'noe issledovanie [Moscow, the Third Rome]. Moscow, Sol System, 1994, 256 p. (In Russian).
16. Nikifor (Bazhanov), archim. Illyustrirovannaya biblejskaya enciklopediya [Illustrated biblical encyclopedia]. Moscow, Eksmo, 2016, 640 p. (In Russian).

17. Novyj biblejskij kommentarij: v 3 ch. [New Bible Commentary: in 3 vols]. St. Petersburg, Mirt, 2000–2001. (In Russian).
18. Pasternak B.L. Doktor Zhivago [Doctor Zhivago]. Moscow, AST:AST MOSCOW, 2008, 698 p. (In Russian).
19. Petrovskij N.A. Slovar' russkih lichnyh imen: ok. 2600 imen [Dictionary of Russian personal names: about 2,600 entries]. 2nd ed. Moscow, Russ. yaz., 1980, 384 p. (In Russian).
20. Pivovarova N.V. Pokrov Presvyatoj Bogorodicy [The Patronage of the Most Holy Queen, Mother of God]. St. Petersburg, Metropress, 2014a, 76 p. (In Russian).
21. Pivovarova N.V. Tri Vselenskih svyatitelya [The Three Holy Hierarchs]. St. Petersburg, Metropress, 2014b, 76 p. (In Russian).
22. Podosinov A.V. Simvol'y chetyrekh evangelistov: ih proiskhozhdenie i znachenie [The symbols of the four Evangelists: their origin and meaning]. Moscow, Yazyki russkoj kul'tury, 2000, 176 p. (In Russian).
23. Putevoditel' po svyatyh mestam Rossii [A guide to the holy places of Russia]. Compiled by I. Ye. Gusev. Kharvest, 2006, 159 p. (In Russian).
24. Rowland D.B. Moscow – The Third Rome or the New Israel? Russian Review. Vol. 55, no. 4, 1996, pp. 591–614. (In English).
25. Russkaya mifologiya. Enciklopediya [Russian mythology. Encyclopedia]. Compiled and edited by E. Madlevskaya. Preface by E. Madlevskaya. Moscow, Eksmo; St. Petersburg, Midgrad, 2006, 784 p. (In Russian).
26. Samojlova T.E. «Blagoslovenno voinstvo Nebesnogo carya...» (Cerkov' voinstvuyushchaya) [“Blessed is the host of the Tsar of heaven...” (the Church Militant)]. 2021. Available at: https://www.tretyakovgallery.ru/events/blagoslovenno-voinstvo-nebesnogo-tsarya-tserkov-voinstvuyushchaya/?special_version=Y (accessed 12 April 2021). (In Russian).
27. Shchennikova L.A. Svyataya Troica [The Blessed Trinity]. St. Petersburg, Metropress, 2014, 76 p. (In Russian).
28. Sluzhba Sreteniyu Gospodnyu: vsenoshchnoe bdenie i liturgiya s parallel'nym perevodom i iz'yasneniem (izdanie peresmotrennoe) [The Service to the Meeting of Our Lord Jesus Christ in the Temple: the All-Night Vigil and Liturgy with parallel translation and explanations (reviewed edition)]. Edited by archimandrite Spiridon. Kiev, Society named after M. N. Skaballanovich, 2014, 64 p. (In Russian).
29. Turbin V.N. Pushkin. Gogol'. Lermontov. Ob izuchenii literaturnykh zhanrov [Pushkin. Gogol. Lermontov. On the study of literary genres. Moscow, Prosveshchenie, 1978, 238 p. (In Russian).
30. Uchebnaya Bibliya s kommentariyami Dzhona Mak-Artura [The MacArthur Study Bible]. Loves Park, IL, Slavic Gospel Association, 2004, 2201 p. (In Russian).
31. Zhitiya svyatyh na russkom yazyke, izlozhennye po rukovodstvu Chet'ih-Minej svyatitelya Dimitriya Rostovskogo s dopolneniyami, ob'yasnitel'nymi primechaniyami i izobrazheniyami svyatyh: v 3 t. [The lives of saints by St Dimitry of Rostov: in 3 vols]. Moscow, Kharvest, 2002. (In Russian).
32. Zubareva V.K. Nastoyashchee i budushchee Egorushki: «Step'» v svete pozitsionnogo stilya [The present and future of Egorushka: “The steppe” in the light of the positional style]. Desyat' shagov po «Stepi»: stat'i i esse [Ten steps along “The steppe”: articles and essays]. Edited by V.K. Zubareva. Idyllwild, CA, 2017, pp. 6–33. (In Russian).

Received 15.09.2021

Goncharova N.N., Candidate of Philology, Associate Professor at Department of Foreign Languages
Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences
Bolshoy Kislovsky Lane, 1/1, Moscow, Russia, 125009
E-mail: nng@bk.ru